

ТАЙНЫ СЕМИСВЕТЬЯ

АНАСТАСИЯ ЕНАШЕВА

Анастасия Енашева

Тайны Семисветья

<https://litres.ru/74069466>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если однажды выкрикнуть злые слова — и мир поймает тебя на слове?

У десятилетней Аси выдался худший день: в школе не оценили, любимое платье испорчено, а младший брат снова стал центром внимания. Вечером обида выплеснулась злым криком. И Ася вдруг оказалась в Семисветье: тёмном мире семи островов, где погасли все маяки, а из Цитадели за каждым её шагом следит холодная Королева.

Чтобы вернуться домой, нужно зажечь семь маяков. Но каждый остров испытывает Асю по-своему: упрямство здесь не работает, топтать и кричать бесполезно, а чудовища Семисветья подозрительно хорошо знают её характер. К счастью, рядом Люм — синий лемуру с волшебным фонариком на хвосте, который гаснет всякий раз, когда Ася сворачивает не туда.

Сказка-путешествие о дружбе, семье и умении ладить со своими чувствами. Она напоминает, что злиться — нормально, просить о помощи — не слабость, а любовь способна рассеять даже самую густую тьму.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Остров Оно-Сами	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анастасия Енашева

Тайны Семисветья

Пролог

День, когда всё надоело

Это было обычное унылое утро, серое и никакое. Ни дождя, ни снега, вообще ничего. Обычный питерский ноябрь, когда непонятно, то ли день, то ли вечер, то ли солнце кто-то украл и забыл вернуть.

Одним словом, скукотища.

Посреди всей этой неинтересности, в обычной квартире на шестом этаже, одна подушка светилась, как маленькое солнышко. Это Асины рыжие кудри разметались по ней.

Ася ходила в четвёртый класс и твёрдо знала три вещи: что динозавры вымерли несправедливо, что домашнее задание — это заговор учителей, чтобы у детей не осталось времени на интересное, и что у неё самые красивые волосы в классе. Даже нет, не в классе — во всей школе.

— Ася, доброе утро! — мягко разбудил её папа.

Ася сладко потянулась, зевнула и села в кровати. Огляделась вокруг сонными глазами.

На столе громоздились книжки, фломастеры, ручки и альбом с незаконченным рисунком. На полу валялись детали от конструктора — те самые, которые мама просила убрать уже сто раз, потому что «Толя ползает по всей квартире, а если проглотит?!». В углу, за коробкой с красками, валялся попой кверху старый плюшевый медведь. Когда-то он спал с Асей каждую ночь, а теперь просто валялся и смотрел стеклянными глазами в стену.

Она встала, чуть не наступила на деталь от конструктора — ту самую, которую надо было убрать. Умылась, почистила зубы, натянула школьную форму.

На кухне Асю ждал творог с бананом, как она любила, правда не всегда.

— Не хочу есть, — сказала Ася, глядя в тарелку.

— Асенька... Надо, хоть немного, — тихо сказала мама, придерживая одной рукой Толю, который сидел в стульчике и сосредоточенно размазывал кашу по столу.

Толе было семь месяцев. Он уже умел ползать — быстро, целеустремлённо, как маленький танк — и тянуть в рот всё, до чего дотягивались его цепкие пальчики. Улыбался он так, что невозможно было не улыбнуться в ответ. Но ему постоянно что-то было нужно: молоко, внимание, чистый подгузник, и ещё молоко, и ещё внимание.

Ася поковыряла творог и отодвинула тарелку.

Она уже стояла в прихожей, одетая, в ботинках, когда вдруг вспомнила.

Сочинение!

Её сочинение лежало на столе в комнате, в прозрачном файлике, аккуратно сложенное, с иллюстрациями, которые Ася рисовала три вечера подряд.

Она рванула по коридору.

— Ася! — мамин голос догнал её на полпути. — В грязных ботинках! Тут Толя по полу ползает!

Ася посмотрела на свои ноги. «Ну вот, — подумала Ася. — Опять Толя. Даже за своим сочинением нельзя нормально сбегать.»

— Извини, — буркнула она, схватила файлик со стола и побежала обратно, стараясь наступать в те же следы.

Мама вздохнула и потянулась за тряпкой.

Ася взглянула на братика. Толя сидел на полу в коридоре, он уже выполз из кухни и сосредоточенно грыз резиновую уточку. Ася невольно улыбнулась. Забавный он всё-таки.

Мама обняла её, быстро, одной рукой, и сказала: «Хорошей учёбы». Просто «хорошей учёбы» — без «милая», без «буду скучать», как раньше.

Папа повёл Асю в школу. По дороге они болтали, как обычно, и Ася вдруг почувствовала, что ей хорошо. По-настоящему хорошо. Папа рассказывал что-то смешное про своего начальника, Ася хохотала, и утренний ноябрьский Петербург казался не таким уж серым. С папой всё было как раньше. Он не отвлекался на Толю, не торопился — он просто шёл рядом и был её папой. Только её.

У школьных ворот на фонаре сидел большой чёрный ворон с умным взглядом. Он склонил голову набок и посмотрел на Асю внимательно, будто запоминал. Потом хрипло каркнул, но Ася его не заметила — она увидела Машу и побежала обниматься.

* * *

В школе Асе нравилось. Там были подружки Маша, Аня и Полина, и учительница Елена Ивановна, которая ценила Асину старательность. Ася была отличницей — не из тех зубрилок, которых никто не любит, а из тех, кому просто нравилось, когда получается. Нравилось, когда хвалят. Нравилось быть лучшей.

Перед первым уроком все складывали сочинения на учительский стол. Ася положила свой файл сверху, чтобы заметили первым.

Она написала про их поездку в санаторий под Петербургом — про то, как они с мамой и папой, втроём, ездили прошлым летом. Там были бассейн, и бани, и вкуснейшие завтраки с блинчиками. Папа учил её нырять, а вечерами они с мамой читали вместе на веранде. Никакого Толи тогда ещё не было. Просто мама, папа и Ася. Целую неделю.

Ася писала это сочинение семь дней. Переписывала начало четыре раза. Нарисовала три иллюстрации: бассейн с голубой водой, веранду с качелями и закат над озером — ро-

зовый, с оранжевыми полосками.

На математике Елена Ивановна написала задачу на доске. Ася решила первой. Руку тянула так, что чуть со стула не упала. Елена Ивановна её спросила, Ася ответила правильно.

— Молодец, Ася!

«Молодец» было важное слово. Ася собирала похвалы, как драгоценные камушки. «Умница», «Отлично», «Какая ты старательная» — каждое такое слово делало её чуть-чуть выше, чуть-чуть важнее.

На перемене они с Машей обсуждали книжку, которую обе прочитали. Ася была за Джинни — ну разумеется, за Джинни, она же рыжая, смелая и вообще лучше всех. А Маша — за Луну.

— Луна странная, — заявила Ася.

— Она не странная, она особенная, — возразила Маша.

— Джинни тоже особенная. И ещё она не носит серёжки из редисок.

— Зато Луну все считают чудной, а ей всё равно, — сказала Маша. — Она просто такая, какая есть. И ей нормально.

Ася фыркнула. Как это — «всё равно»? Как можно не переживать, что о тебе думают?

Они чуть не поссорились, но тут Полина принесла печенье, и ссора сама собой забылась.

На последнем уроке Елена Ивановна взяла стопку тетрадей и файликов.

— Итак, — объявила она. — Я прочитала ваши работы. Некоторые меня очень порадовали.

Ася выпрямилась.

— Маша, выйди к доске. Прочитай своё сочинение, пожалуйста.

Маша читала громко, уверенно, а Елена Ивановна кивала и улыбалась. Когда Маша закончила, класс захлопал.

— Замечательно, Маша. Очень живые описания, молодец!

Маша засияла и села на место.

Ася хлопала вместе со всеми. И правда хорошо — и дельфины, и море, всё как будто видишь. Маша — молодец. Заслуженно.

«Ну, теперь моя очередь.» Ася замерла.

Елена Ивановна потянулась к стопке оставшихся работ. Ася подалась вперёд. Сердце стукнуло — быстро, гулко. Сверху лежал её прозрачный файл с тремя иллюстрациями. Елена Ивановна взяла стопку в руки —

Звонок ударил по ушам.

— Ох, — Елена Ивановна посмотрела на часы. — Ну что ж, остальные сочинения обсудим на следующем уроке.

Она положила стопку обратно на край стола.

Ася медленно опустила взгляд на свою парту. Щёки горели. Маше похлопали, Машу похвалили, а Асино сочинение с тремя иллюстрациями, над которыми она сидела три вечера, даже не открыли. В горле стало тесно, и хотелось одновре-

менно заплакать и разозлиться. И было стыдно, потому что Маша же не виновата. Злиться не на кого, а злость никуда не делась.

«Ничего, — сказала Ася себе. — В следующий раз.»

Но обида засела под рёбрами и не собиралась уходить.

В целом, день был обычный: уроки, перемены, подружки, всё как всегда.

* * *

После школы за Асей пришла мама с коляской. Ася увидела её у ворот и побежала навстречу. Мама улыбнулась, обняла её и поцеловала в лоб, как обычно она делала.

И тут Толя проснулся.

Он завертелся в коляске и завопил — громко, требовательно, на всю улицу. Мамины руки метнулись к нему.

— Ш-ш-ш, маленький, ш-ш-ш... — мама склонилась над коляской. — Асенька, пойдём скорее домой.

Всю дорогу Толя кричал. Ася шла рядом с коляской, и слова, которые она хотела сказать, застревали в горле.

— Мам, а у нас сегодня сочинения...

— Секунду, Ась, — мама подоткнула одеяло, покачала коляску. — Ш-ш-ш...

— Мам, я хотела рассказать, меня не...

— Ась, подожди, я не слышу ничего, он так кричит...

Ася замолчала. Толя орал. Мама катила коляску и шика-

ла. Моросил мелкий дождь.

Тот же ворон сидел теперь на дереве у их подъезда. Он снова посмотрел на Асю и каркнул — громче, чем утром, настойчивее. Ася взглянула на него украдкой и вбежала в подъезд.

* * *

Дома пахло подгузниками и тем самым супом-пюре, который мама любила готовить, потому что «вкусно, полезно и быстро».

Ася поморщилась. Суп она не любила. Точнее, любила раньше, когда-то, но не сегодня, не сейчас.

Ася сбросила куртку, побежала в свою комнату. Рюкзак уронила, по обыкновению, где-то возле стола. Он упал, раскрылся, пенал выкатился. Ася не заметила. Стянула блузку и бросила на стул. Блузка соскользнула и упала на пол.

— Ася, повесь блузку в шкаф! — донёлся мамин голос, еле слышимый сквозь плач Толи, который уже требовал молока.

— Угу, — сказала Ася.

Но не повесила. У неё было важное дело. Точнее, оно вспыхнуло прямо сейчас, как лампочка.

Когда Толи ещё не было, они с мамой играли в «Театр». Это была их особенная игра: они доставали из шкафа все мамины платья, шарфы, бусы — и наряжались. Потом вклю-

чали музыку и танцевали, каждый раз в новом образе. Мама была то цыганкой, то королевой, то пираткой. А Ася — принцессой, волшебницей, звездой. Они кружились по комнате, хохотали, сталкивались, мама подхватывала её на руки...

Это было их. Только их.

Они не играли в «Театр» уже давно. Ася и не помнила, когда в последний раз.

«Сегодня, — решила Ася. — Сегодня мы поиграем.»

Она сама придумала номер: выйдет в красивом платье, расскажет стихотворение, потом поклонится. А мама увидит — и вспомнит. Вспомнит, как им было весело. И, может быть, улыбнётся по-настоящему, не устало, а как раньше.

Плач за стеной не умолкал. Асе вдруг захотелось крикнуть, топнуть ногой или хлопнуть дверью.

В школе её сочинение не прочитали. По дороге домой мама её не услышала. А теперь что? Весь вечер слушать, как Толя орёт?

«Нет, — подумала Ася. — Нет. Сегодня — мой вечер.»

Она метнулась к шкафу.

Синий сарафан? Нет, скучный. Клетчатая юбка? Фу. Розовое платье с пятном на рукаве? Ни за что.

И тут её пальцы нащупали ЕГО.

Белое шелковистое платье с пышной юбкой в объёмных тканевых розах. То самое, которое мама велела беречь. Праздничное и дорогое, для особых случаев.

Ася посмотрела на платье. Оно будто звало её: ну надень меня, ну пожалуйста!

Но разве сегодня не особый случай? Разве не праздник, когда ты возвращаешь ваш театр?

Через минуту Ася уже крутилась перед зеркалом. На плечи падали блестящие рыжие локоны, а в волосах сиял ободок с розами. Она повернулась влево, юбка колыхнулась. Повернулась вправо, и розы закружились вместе с ней.

«Даже Маша в своём золотом платье так не выглядела», — подумала она и улыбнулась своему отражению.

Сейчас она выйдет, и мама увидит. Увидит и вспомнит, как они танцевали, как смеялись. Мама ахнет, скажет: «Ой, какая ты красивая!» — и, может быть, они снова включат музыку, и всё будет как раньше.

— Дамы и господа, — прошептала она зеркалу, репетируя. — Сегодня! Только сегодня! Единственный концерт великой артистки... — она задумалась, — ...Аси Великолепной!

Отлично! Всё готово. Оставалось только выйти на сцену.

* * *

На кухне пахло усталостью. Мама сидела на стуле, Толя — семимесячный малыш в коричневом комбинезоне — наконец спал у неё на руках. Его щека расплющилась о мамино плечо, рот приоткрылся, из уголка губ тянулась ниточка

слюны.

Папа сидел напротив, листал что-то в телефоне. Оба боялись пошевелиться. Оба дышали через раз. Как сапёры над миной.

И тут дверь распахнулась.

— ТА-ДА-А-АМ!

Ася влетела на кухню, как маленький вихрь в белом платье. Розы на юбке закружились, локоны подпрыгнули.

— Дамы и господа! — Ася раскинула руки, как настоящая артистка. — Сегодня для вас выступает...

— Ася! — мама вскинула голову. Глаза у неё были красные, с прожилками, как у человека, который давно не высыпался. — Тише! Только уснул!

Ася на секунду посмотрела на Толю. Щека розовая, мягкая, как у хомяка. Смешной. Но подумаешь, спит. Всегда он спит или ест — больше ничего не умеет, разве что ползать и грызть всё подряд.

— Мам, я быстро! Один номер! Помнишь наш «Театр»? Помнишь, как мы...

— Ася, не сейчас, — мама сказала это тихо, почти шёпотом, но в её голосе было что-то такое, от чего Ася замолчала.

Не сейчас. Не сейчас. Это было мамино главное слово в последнее время.

Но Ася уже решила. Сегодня — сейчас.

Она метнулась к выключателю. Большой свет погас, кухня утонула в полумраке. Только маленький светильник над

столешницей, тот, что мама включала, когда резала овощи, остался гореть. Его луч падал на центр кухни, как софит в театре. Идеально!

Ася вышла в круг света. Расправила юбку. Подняла подбородок.

— Ася, ну пожалуйста... — мама снова попросила.

Но Ася уже набрала воздух в грудь.

Она столько готовилась! Она так красиво оделась! Она хотела, чтобы мама вспомнила...

— О-о-о!

Первая нота взлетела под потолок, и тут же всё взорвалось. Толя мгновенно проснулся, будто внутри него сработала сигнализация.

Его лицо сморщилось, рот разинулся, и оттуда вырвался такой крик, от которого хотелось зажать уши и спрятаться под стол.

— Ну вот... — устало вздохнула мама. Так говорят, когда сил злиться уже не осталось.

Толя орал, мама начала качать его, влево-вправо, влево-вправо, и тихонько шипеть: «Ш-ш-ш, маленький, ш-ш-ш...»

Ася стояла в луче света. Её концерт закончился, не успев начаться. Их «Театр» — не начался. Никто не вспомнил.

Юбка с розами больше не кружилась. Руки висели вдоль тела.

Это было несправедливо. Она же так старалась! Она хо-

тела, чтобы всё было как раньше, а получилось...

— Опять! — крикнула Ася. — Опять этот Толя! Вечно он!

Мама подняла на неё глаза.

— Ася, ну пожалуйста... не начинай. Его сегодня что-то явно беспокоит, может, зубы режутся.

— А меня?! — Ася топнула ногой. — А меня ничего не беспокоит?! Я хотела... мы же раньше... наш «Театр»... а теперь тебе — только Толя, Толя, Толя!

Её щёки горели, рыжие локоны растрепались.

— Уже и дома ничего нельзя!

Мама ещё что-то сказала, кажется, «Ася, давай поговорим, только дай мне его уложить», но слова тонули в крике младенца.

Толя затих так же внезапно, как проснулся. Уснул прямо посреди крика, будто кто-то выключил звук.

Мама осторожно опустила на стул, не выпуская его из рук. Посмотрела на Асю.

— Асенька, — сказала она хриплым голосом. — Ты же с обеда ничего не ела. Давай поужинаешь? Поешь, глядишь, и настроение улучшится.

Ася хотела сказать «нет», хотела сказать «не хочу», хотела развернуться и уйти. Но живот предательски заурчал, и папа уже ставил перед ней тарелку.

Она посмотрела, и нос её сморщился сам собой. Суп, жёлтый, густой, как размазня, с какими-то разводами на поверх-

ности. Сырный суп-пюре. Тот самый, от которого пахло... супом.

— Фу!

— Ася, он вкусный, — мама сидела напротив, по-прежнему с Толей на руках. — Я старалась.

— Он жёлтый.

— Ты хоть попробуй.

Ася взяла ложку, понюхала и положила обратно.

— Я не буду это есть!

Мама прикрыла глаза.

— Ася, — мама говорила медленно, как учитель, который объясняет задачу в пятый раз, — съешь хотя бы половину. Это не много.

— Не буду.

— Ну треть.

— Нет.

— Асенька...

— Я! Не! Буду! — Ася дёрнула рукой.

Ложка звякнула о край тарелки. Тарелка качнулась.

А потом...

Потом время сломалось.

Ася видела, как медленно-медленно наклоняется тарелка.

Видела, как жёлтая волна поднимается над краем. Как первые капли отрываются и летят прямо на белое платье, на розы.

«Нет, — подумала Ася. — Нет-нет-нет-нет...»

ХЛЮП.

Время рвануло вперёд.

Суп был везде. На юбке, на розах, на коленях, на стуле, на полу. Тарелка крутилась под столом, как юла, которая никак не хочет останавливаться.

Ася смотрела на своё платье. На своё любимое, праздничное, самое красивое платье.

В горле сжалось: «Ой». Но «ой» было слишком маленьким, а пятно — слишком большим.

Мама ахнула.

— ЭТО ТЫ ВИНОВАТА! — голос вырвался сам. — Зачем ты вообще его сварила?!

Папа вскочил.

— Эй-эй-эй, — он присел перед Асей. — Ну подумаешь, суп. Давай вытрем, ничего страшного. Платье постираем.

— Не постираете! — Ася отдернула руку. — Оно шёлковое!

— Ася, — папа говорил спокойно, как всегда, и от этого спокойствия хотелось кричать ещё громче, — давай ты переоденешься, мы сядем и —

— Вы меня не любите! Вам на меня плевать! Вам только Толя нужен! А я... я...

Папа открыл рот — и закрыл.

Она развернулась и побежала.

Позади опять раздался сильный крик, и где-то там растерянный мамин голос: «Ася, подожди...» Но Ася не ждала.

Она бежала в свою комнату, суп капал с её платья на пол жёлтыми кляксами, как следы маленького сырного монстра.

БАМ!

Дверь захлопнулась за спиной.

Ася рухнула на пол, прямо так — на колени, на ковёр, на рассыпанные детали конструктора. Кулаки ударили по полу.

— Ненавижу! — вырвалось у неё. — Ненавижу-ненавижу-ненавижу!

Слёзы заливали глаза. Всё это было слишком больно, слишком несправедливо.

Она хотела, чтобы мама пришла, обняла, сказала, что всё хорошо. Но никто не шёл, и от этого было ещё хуже.

Кулаки горели. Со стеллажа с грохотом упала книга. Ася на секунду замолчала и подняла голову.

А потом вырвалось последнее, самое страшное:

— **ВЫ МЕНЯ НЕ ЛЮБИТЕ!**

Голос треснул.

— **НУ И ЛАДНО!**

Комната молчала. Книжки молчали. Медведь в углу молчал. Весь мир, казалось, молчал.

И в этой тишине Ася вдруг услышала шаги в коридоре. Мамины. Тихие, осторожные. Мама шла к ней.

Ася замерла. Одна её половинка — та, которая редела и топала, — уже тянулась к двери: «открой, пусть обнимет, пусть скажет, что любит». А другая — та, которой было больно, — вцепилась в обиду, как в щит: «не смей. Они не за-

служили».

Шаги остановились у двери.

— Асенька?..

Мамин голос, хриплый, тихий.

Ася набрала воздуха. Всею грудью. До боли в рёбрах.

— ХВАТИТ! ВЫ МНЕ НЕ НУЖНЫ! НИКТО НЕ НУЖЕН! Я БУДУ ЛЮБИТЬ ТОЛЬКО СЕБЯ!

Слова упали в тишину.

Свет мигнул.

Ася замерла.

Лампочка затрещала, будто её закоротило. Тени в углах дёрнулись и поползли по стенам. По спине пробежал холодок.

Ворон за окном расправил крылья и исчез, растворился в сером небе, будто его и не было.

Ася медленно огляделась. По полу поползли трещины — чёрные, глубокие.

Свет мигнул и погас. И вдруг Ася провалилась в темноту, сквозь ковёр, сквозь пол, куда-то вниз. Или вверх? Она сама не поняла.

Ветер свистел в ушах, темнота кружилась вокруг.

А где-то далеко-далеко... зазвенел холодный смех.

И чей-то голос прошептал из темноты:

«Только себя...»

Глава 1. Остров Оно-Сами

Пробуждение

Холодно. Это было первое, что почувствовала Ася. Сердце от этого холода замирало, и внутри становилось невозможно тоскливо.

В ушах ещё гудел ветер, тот самый, который подхватил и закрутил её. А в горле всё ещё стоял ком из крика и слез.

Она открыла глаза. Над ней не было потолка, не было люстры с хрустальными цветами. Не было ничего, только густая темнота без единой звезды.

«Это сон, — подумала Ася, — точно сон. Сейчас я проснусь, и будет утро, и мама позовёт завтракать.» Но камни под ладонями были слишком холодные и мокрые для сна.

Где она? Ася вскочила и чуть не упала. Колени тряслись, а платье с жёлтым пятном от супа противно липло к ногам.

Она стояла на краю, а за обрывом была бездонная пустота. От одного взгляда туда живот сжался, и захотелось отползти подальше.

В этой пустоте виднелись тёмные пятна, неподвижные и далёкие. Они парили в бескрайней черноте, как будто плыли по невидимому морю.

Ася попятилась, камень под ногой качнулся.

— Мама? — голос вышел тонкий и чужой. — Папа?

Тишина. Ни телевизора у соседей, ни машин за окном, ни плача Толика за стеной. Тишина была такой плотной, что Ася слышала собственное дыхание. Ничего знакомого, только...

— Кааар-р-р.

Ася вздрогнула. На валуне рядом сидел ворон и смотрел прямо на неё, склонив голову набок. Перья у него были угольно-чёрные, а глаза блестели двумя тёмными бусинами. Он не шевелился и не моргал, просто сидел, будто ждал, пока она его заметит.

— Эй, — обратилась к нему Ася, потому что больше тут никого не было. — Ты отсюда? Не знаешь, что это за место?

Ворон не ответил. Он переступил с лапы на лапу, наклонил голову в другую сторону и уставился на неё так пристально, что Ася отвела взгляд. Когда она посмотрела снова, валун был пуст. На камне осталась одна-единственная чёрная пушинка.

Ася обхватила себя руками, ей так захотелось свернуться клубочком и спрятаться куда угодно. Хоть под кровать, хоть в шкаф.

Но кровати не было. И шкафа тоже.

Она тряхнула головой. «Что я, маленькая, что ли.» Но от этого не стало ни теплее, ни менее страшно. Она была совсем одна. И даже воздух тут казался чужим.

Встреча

— Бррр! Ну и холодрыга!

Ася подскочила.

В ветвях корявого дерева что-то зашуршало. Потом мелькнул маленький огонёк, он качнулся и поплыл вниз. Ася пригляделась. Это был не просто огонёк. По стволу спускалось что-то живое, цепляясь лапками за кору, и свет был частью этого существа.

Зверёк приземлился рядом.

Ася уставилась на него, забыв про холод, про страх, про всё на свете. Это был лемур. Синий, с белым пузиком, с огромными янтарными глазами.

Хвост был длинный и пушистый, в белую и синюю полоску. А на самом кончике светился огонёк, настоящий, живой, и от него на камни падали танцующие тени.

— Ты кто? — испуганно спросила Ася.

Зверёк почесал за ухом задней лапой.

— Люм, — голос у него был высокий, как у ребёнка, но серьёзный, будто это имя само по себе должно было всё объяснить. — А ты, значит, та самая гостья?

Люм подошёл ближе, смешно переставляя лапки, и принюхался.

— Сырный суп, да? Жёлтый, с такими штучками... как их... макаронками?

Ася машинально посмотрела на своё платье. На жёлтое пятно. На измятые розы на подоле.

— Без макарон, — поправила его Ася. — Но... откуда ты...

— Знаю? — Люм уселся, обернув хвост вокруг передних лап. — Ну, это просто. Я тут единственный, кто знает вообще всё. Работа такая: знать и светить, светить и знать. Иногда ещё чесаться, но это по желанию.

Он снова почесал за ухом.

— А фонарик... — Ася показала на его хвост. — Он что, прямо... настоящий?

Люм фыркнул, фонарик мигнул, будто чихнул.

— пффф!

— Настоящее некуда! Это не какая-нибудь лампочка на батарейках. Это... — он пошевелил хвостом, — часть меня. Как у тебя нос или пятка. Только полезнее. Хотя твоя пятка тоже, наверное, для чего-то нужна...

Он помолчал, глаза у него стали серьёзные.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.